

Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период с XVIII по 30-е годы XX века (на адыгском материале)

Абречество характерное в прошлом для всех народов Кавказа социальное явление. Корни этого института берут начало в родовом обществе, а последние рецидивы имели место у черкесов в 30-х годах XX века. В статье рассматриваются происхождение этого института, различные проявления этого феномена и его трансформация в ходе исторического развития адыгского общества.

Ключевые слова: абреки, абречество, изгой, нонконформизм, социальный протест, патронаж.

Мирзоев Асланбек Султанович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории ФГБУН Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
Тел. 8 (862) 422453; 8-967-421-95-25.
E-mail: marzeibach@mail.ru

Абречество – своеобразное и многогранное явление, характерное для многих народов Кавказа в прошлом. Этот институт имеет очень древние корни, уходящие в эпоху родового строя.

С развитием общества он подвергался постоянной трансформации, особенно в период классового феодального общества. Следующий этап трансформации он претерпел во время Русско-Кавказской войны и борьбы черкесов за свою независимость. С окончанием войны и установлением колониальной юрисдикции абречество продолжало бытовать вплоть до Октябрьской революции. В Кабарде, а также у закубанских черкесов уже после революции, в первые годы Советской власти, во время коллективизации имели место отдельные рецидивы абречества.

Для объективного исследования данного института необходимо принять во внимание широкий хронологический отрезок времени его функционирования, а также учитывать конкретный исторический контекст бытования этого института и состояние общества в определенную

историческую эпоху с учетом всех его трансформаций, имевших место в ходе исторического развития. Термин «абречество» в эпоху родоплеменного строя, период феодализма или же в XIX веке, во время Кавказской войны и в колониальный период, будет иметь не совсем идентичное содержание.

Подробное описание абречества в его традиционной форме составил Иоганн Бларамберг. Вот что он сообщает: «Много горцев – наиболее отчаянных... дают клятву на один-два года или несколько лет не участвовать ни в каких увеселительных играх и посвятить свою жизнь участию во всех набегах, никогда в бою не жалеть врага, никогда не прощать ни малейшей обиды ни другу, ни брату, не признавать никаких привязанностей, не бояться ни преследования, ни мести, одним словом, быть врагом каждого, кто не принадлежит к его семье, рисковать быть убитым первым встречным, если он сильнее. Те, кто дали такую клятву, называются абреками. В аулах они самые опасные соседи, с ними всегда надо быть настороже, «иметь руку на кинжале», т.е. быть готовым тут же отразить нападение. Зато успех в бою всегда зависит от них. Это настоящие «берсеркеры» древних норманнов, которые, будучи в ярости убивали своих товарищей. Подобные примеры безумного молодечества нередки среди горцев. Что же заставляет их приносить подобную клятву, какие жизненные обстоятельства? Одни это делают, чтобы выделиться, другие из-за бедности, третьи, вследствие какого-либо несчастья. Например, если у кого-либо погибла от оспы возлюбленная, он дает клятву абрека на пять лет, и, что самое невероятное, по прошествии срока клятвы, абрек становится тихим, как ягненок, возвращается к мирной жизни, и, кажется, даже не вспоминает о прежней жизни»¹. В данном описании И. Бларамберг проводит аналогию между кавказскими абреками и древнескандинавскими «берсеркерами» эпохи родоплеменного строя и «военной демократии». Несмотря на то, что кавказское абречество, в его традиционной форме, имеет столь позднее бытование (XIX век), его сравнение с аналогичными явлениями имеет под собой определенную почву, т.к. как архаические корни абречества, уходящие в доклассовое общество,

явственно прослеживаются при подобных сравнениях. Так Тацит, описывая воинственные германские племена, выделял среди них отдельные группы воинов, ведущих особый, изолированный от своих соплеменников, образ жизни. Путём различных инициаций мистического характера эти люди стремились приобрести невероятную силу, становясь при этом неистовыми, агрессивными, теряя в некотором смысле свой человеческий облик. Речь шла о превращении (не буквальном, а скорее ритуальном, а также психологическом и поведенческом) воина в дикого зверя. При подобных инициациях человек-воин не только присваивал себе имя зверя, но и обретал в некотором смысле его качества. Поэтому выражения типа «сильный как бык», «храбрый, как лев» и т.п. не столь наивны, как может показаться. Одним из видов инициации была схватка со зверем, завершавшаяся поеданием его плоти и крови. Воин получал, таким образом, силу и другие качества убитого зверя. Победа человека над зверем означала не только обряд передачи мощи, но и трансформацию, в результате чего зверь как бы и не умирал, а воплощался в победившем человеке. При этом человек терял часть своих человеческих качеств, становился в некотором смысле зверем, присваивал его имя и даже принимал его облик, одеваясь в его шкуру, используя в качестве украшения его клыки (слово «берсеркер» на древнескандинавском языке означает «медвежья шкура»). Звериной сущности достигали путём магико-ритуальных процедур экстатического типа: пляска, употребление опьяняющих веществ, наркотиков; или же подражания его повадкам, одевания его шкуры. Эти воины, подобно зверям, вселяли в людей страх, терроризовали противника. Оказавшись в сражении, воины-звери претерпевали метаморфозу, становились неутомимыми и бесчувственными. Атаковали они с криками и воем, как дикари, подобные собаке и волку, повергая противника в оцепенение, наводя своим видом и одеждой ужас. Германский воин, рычащий как медведь, либо надевший на себя собачью голову, как бы на самом деле становился медведем, волком, бешеной собакой. Между ним и животным, с которым он себя отождествлял,

устанавливалась симпатико-магическая связь². По описаниям Тацита, эти люди начинали все битвы, они всегда составляли передовой строй, вид их был поразителен и ужасающ. «Впрочем, - сообщает далее он, - и в мирное время они не стараются придать себе менее дикую внешность. У них нет поля, ни дома и ни о чем они не несут забот. К кому бы они не пришли, у того и кормятся, расточая чужое, не жалея своего, пока из-за немощной старости столь непреклонная доблесть не станет для них непосильной»³. Народ высоко ценил воинское искусство «берсеркеров», членам их сообществ было позволено во имя общего блага нарушать обычные социальные обязанности. Они не работали, не заботились о семье, соблюдали обет безбрачия. Община кормила их в обмен на выполнение ими воинского долга. То, что было постыдным для человека обычного, для них становилось источником славы⁴. «Звериная суть» толкала этих людей на преступления, часто вызывавшие отвращение и раскаяние у них самих, но они как бы не принадлежали себе. Община отделяла их от себя, опасаясь их соседства. Они вели жизнь изгоев, но при военной угрозе, учитывая их высокие воинские качества, общество призывало их к защите своих соплеменников.

Таким образом, сообщества этих изгоев были источником общественной опасности, но иногда приносили общественную пользу. У лангобардов, например, существовали братства таких изгоев, которые именовались «стаями песьеголовых». Они отличались своим внешним видом, использовали специфическую эмблематику (собачьи шкуры и головы), имели особую манеру поведения. Их братства (стаи) находились на обочине гражданского общества, но общество пользовалось их услугами. Престиж «песьеголовых» среди лангобардов был достаточно высок. Это объяснялось, прежде всего, тем, что в трудную минуту они спешили на помощь своему народу.

Таким образом, как мы видим, между описанным явлением и традиционным кавказским абречеством прослеживаются определенные аналогии:

– эти люди – изгои, они находятся вне рамок общества. Ими порываются социальные, родственные, семейные связи с обществом, они не признают никаких привязанностей.

– подобное состояние или статус приобретается добровольно. Часто такой переход сопровождается клятвой или обетом. Но бывает, что изгоями становятся не по своей воле, а вынужденно.

– их отличает чрезвычайная воинственность, агрессивность и поскольку она не сдерживается принятыми в обществе нормами поведения, то эти люди опасны для общества.

– в связи с их асоциальным статусом в юридическом смысле они беззащитны. Любой человек может убить их, не опасаясь кровной мести или каких-либо иных последствий со стороны членов их рода. Права и обязанности, связывающие их со своим родом, прерваны.

– они не ценят ни свою, ни чужую жизнь, готовы всегда применить оружие.

– несмотря на свою асоциальную суть и опасность для окружающих, общество мирится с их существованием, люди не отказывают им в помощи: еде и временном ночлеге. В случае же крайней необходимости, особенно во время войны, их охотно привлекают для помощи.

– эти люди не имеют никакой собственности, земли, постоянного места жительства, работы, главным, основным источником их существования является война и связанные с ней добыча и трофеи.

– они ведут аскетический суровый образ жизни, избегают увеселений, не имеют семьи и часто запрещают себе любые, даже внебрачные связи⁵.

Бытование абречества в адыгском феодальном обществе имело свои особенности в зависимости от разных факторов и условий: мотивов абречества, социального происхождения абреков и некоторых других. Например, в Кабарде в период феодальных междоусобий часто абреками становились представители княжеского сословия. Сравнение рудиментов традиционного абречества и его новой разновидности – князей-абреков,

появившихся в связи с острой внутривосточной борьбой в феодальной Кабарде, справедливо замечает В.Х. Кажаров, выявляет много различий. «Изгнание князя, - пишет он, - представляло собой политическую акцию со стороны победившей коалиции князей. Но положение князя-«абрега» мало чем напоминало положение бездомного бродяги: он находил убежище у знатных дворян, устанавливал дипломатические отношения с Россией или Крымом, заключал союз с владельцами разных областей, вел сложную политическую игру, пока не добивался возвращения в Кабарду и восстановления нарушенного здесь баланса сил. Хотя положение изгнанного князя характеризовалось традиционным понятием «абрек», вряд ли сам факт изгнания и породившие его причины можно относить к явлениям родового порядка»⁶.

В западных «демократических» обществах шапсугов, натухайцев и абадзехов, разделенных на «соприсяжные» братства, изгоями-абреками становились люди, изгнанные из клана за совершение тяжких преступлений, особенно убийств. Так как братства были ответственны за своих членов, они должны были выплачивать штрафы – «цену крови». Эти штрафы достигали значительных размеров и были обременительны для братств. Если человек часто ввергал своё братство в такие траты и признавался неисправимым, то он лишался протекции своего клана. Таких людей приговаривали к смертной казни или же изгоняли из общества. Исследователи обычного права черкесов Ф.И. Леонтович⁷, Н.И. Карлгоф⁸ отмечали, что исключение из фамилии (рода) имеет у черкесов одинаковое значение с объявлением в Европе преступников вне покровительства законов: «Человека, исключенного из фамилии, всякий может оскорбить, ограбить, убить или взять в рабство, не навлекая на себя ничьей мести, если виновный не найдет покровительства в какой-либо другой фамилии». Часто человек, совершивший убийство, добровольно покидал свой род, чтобы не подвергать его разорению, в случае если он принадлежал к немногочисленной, слабой фамилии. Этот обычай в Кабарде назывался «матэ пыльэ» (матэ – корзина, пыльэн – вешать). Беженец

подвешивал на крыльце своего дома пустую корзину, что означало, что он добровольно порывает связи со своим родом и род с этого момента не несет за него никакой ответственности.

Таким образом, как отмечает В.В. Лапин: «...сочетание института кровной мести и сильных родовых связей породило такое явление, как абречество: выделение из горского социума индивидов, которые по разным причинам оказывались вне традиционной системы общепринятых отношений. В большинстве своём, это были изгнанники или нонконформисты, не способные ужиться в традиционном обществе с его довольно жестким социальным контролем. Этим людей не сдерживали в их действиях интересы общин, старавшиеся без крайней нужды не обострять отношения с соседями. Единственным гарантом безопасности для абрека становилось поведение под лозунгом: «Лучшая защита – нападение»⁹. Полное пренебрежение своей и чужой жизнью и постоянная готовность применить, не задумываясь, оружие, делало их опасными соседями. Неуживчивость, конфликтность и не признание законов общества отторгало их на периферию социальной жизни, в пограничную зону¹⁰.

Труднодоступные горы и леса, удобные как для обороны, так и для нападения – традиционные места проживания абреков или их сообществ. Такие сообщества могли носить временный или постоянный характер и находились на географической периферии обществ.

Так в источниках упоминаются о существовании в первой половине XIX века на Северо-Западном Кавказе двух таких сообществ – тагапса и хакучи. Среди шапсугов особой известностью пользовались тагапса. Ф.Ф. Торнау о нем сообщает: «Общество это, состоявшее не более как из 100 или 120 семейств ... поселилось в неприступных скалах, враждуя со всеми горскими племенами за исключением сапсуг. Тагапсы занимают дороги, ведущие близ поселения их к берегу моря, и без пощады убивают и грабят каждого встречного»¹¹.

В вершинах Аше и Псезуапе, по сведениям М.Я. Ольшевского, жили хакучи «... не составляющие особого племени, а образовавшихся из абреков, то есть воров, разбойников и таких бездомных людей, которые всегда жили грабежом и воровством. Тут были абадзехи, шапсуги, убыхи и других обществ горцы. Между хакучами даже находились наши беглые казаки и солдаты. Хакучи не щадили никого, даже своих соплеменников. Их боялись и ненавидели как страшных воров все соседние им горцы»¹².

В кабардинской ландкарте, составленной в 1744 году, на окраине владений князей Малой Кабарды, указана «... деревня в Татартупском ущелье [где] живут татартупские обреки, то есть из кабардинского народа беглые, по притчинам, которых кабардинцы, почитая ту гору за святую, ничем не беспокоивают ...»¹³.

Исключительная агрессивность этих изгнанников, помноженная на изоощренные боевые навыки, делали их самыми опасными противниками. Одной из причин долгого сопротивления Западного Кавказа, по мнению В.В. Лапина было то, что здесь собралась масса абреков со всего Кавказа¹⁴. Несмотря на выселение подавляющего большинства черкесов Западного Кавказа в Османскую империю и официальное окончание Кавказской войны (21 мая 1864 г.) ещё почти год (с лета 1864 по ноябрь 1865 г.) продолжались широкомасштабные военные действия с привлечением крупных армейских соединений по вытеснению из гор нескольких тысяч хакучей и нашедших у них приют абреков со всего Кавказа.

По свидетельству Е. Васильева эта операция относилась «...к числу труднейших экспедиций, которые были предпринимаемы храбрыми войсками Кавказской армии в продолжении долголетней Кавказской войны ...»¹⁵.

В XIX веке слово «абрек» становится синонимом всякого «немирного горца», то есть людей, выступавших против колониальной политики царизма, ведущих партизанскую вооруженную борьбу. В результате Кавказской войны институт абречества приобретает новое содержание. В

ходе завоевания Кабарды не только отдельные лица уходили в горы и становились абреками, но и целые фамилии, особенно княжеские и дворянские, со своими подвластными крестьянами уходили за Кубань и становились абреками. В русской исторической литературе они получили название беглых кабардинцев, сами же адыги называли их «хьэжрэт» от арабского слова «хиджра», означающего бегство, переселение. Массовый характер этот процесс имел в 1820–1825 гг. Обескровленные в результате эпидемии чумы и многочисленных карательных экспедиций, кабардинцы уже не могли оказывать открытое организованное сопротивление царским войскам на своей территории, и потому бежали в еще не завоеванное Закубанье на земли подвластных кабардинцам абазин и союзных бесленеевцев. После того как и эти территории были захвачены, часть кабардинцев переселилась дальше на земли абадзехов. Вторая крупная волна выселения кабардинцев прошла в 1840-е гг., когда многие из них бежали в Чечню. Именно на 40-е гг. XIX века приходится пик абреческого движения в Кабарде. Беглые кабардинские князья и дворяне, будучи нетерпимыми врагами русской власти, являлись организаторами и вдохновителями многочисленных набегов на кавказскую кордонную линию, на казачьи станицы и русские села. Бежавших за Терек в Чечню кабардинцев русские называли абреками, тех, кто ушел за Кубань – «хеджретами». Таким образом, это явление стало одной из разновидностей абречества, которое существенно отличалось от традиционного института. Как отмечает В.Х. Кажаров, закубанские кабардинцы становились «абреками» прежде всего по отношению к России, к ее правительству, которое поставило этих «беженцев» вне российского закона, который утверждался здесь в результате покорения Кабарды. Другими словами, они становились абреками не в понимании обычного права адыгов, а по законам Российской империи, которая выдавала свою захватническую политику на Кавказе вообще и в Кабарде, в частности, как борьбу с «разбойниками». Само же кабардинское общество не изгоняло их, не ставило вне закона, а поэтому на первых порах

не могло относиться к ним как к преступникам, лишенным всех прав. Поэтому по отношению к ним продолжали соблюдаться нормы адыге хабзэ и им не отказывали в гостеприимстве. «Мирные» же кабардинцы, ставшие таковыми вынужденно, симпатизировали своим соплеменникам, тайно оказывали им поддержку, хотя это грозило им суровым наказанием со стороны русских военных властей»¹⁶.

Абречество в этот период можно рассматривать как одну из форм национально-освободительной борьбы, методом выражения политического протеста против колониальной политики со стороны части кабардинского общества (в основном князей и дворян).

В отличие от хаджретов за Кубанью была и другая категория людей, которая вела активную партизанскую войну, но при этом действительно являлась абреками в традиционном смысле этого слова. Это так называемые «психадза». У беглых кабардинцев, несмотря на переселение, сохранилось традиционное политическое и социальное устройство, связанные с этим социальные связи (между князьями и дворянами, владельцами и зависимыми крестьянами). Как и в Кабарде, они жили семьями, сохранили политическое устройство, суд и общественные институты. Закубанские психадзэ были абреками в полном смысле этого слова. Дореволюционный историк И.Д. Попко, рассматривая особенности кордонной службы кубанских казаков, писал: «В последнем низовом участке необозримые плавни широко раздвигают звенья кордонной цепи и пролегают мертвым между ними пространством. Прямые сообщения между пикетами, батареями и постами загромождены бесчисленными препятствиями и возможны иногда на одних только легких долбленных челнах, «каюках», перетаскиваемых на руках от одного озера к другому. Подобная местность немного представляет неприятелю удобств для открытых наездов. Зато покровительствует она прорывам мелких хищнических шаек «психадзе», которые не без основания слывут у казаков более опасными, чем сильные полчища «хеджретов». Психадзе тихо просачиваются сквозь кордонную плотину в незаметные

скважины, которые, при всем старании, при всех хлопотах, не могут быть прочно забиты; а хеджреты переливаются через верх волнами внезапных и шумных приливов, для отвращения которых недостаточно одного возвышения или упрочения плотины. Психадзе, – по-русски «стая водяных псов» – так называются у самих горцев пешие, неотвязные и надоедливые хищники, достигающие добычи украдкой, ползком, рядом мученических засад, – больше шакалы, чем львы набегов. Хеджрет – это открытый, доброконный, иногда закованный в кольчугу наездник, – это лев набега.

Первый образ хищничества свойственен простым по происхождению и бедным по состоянию людям; а последний – дворянам и людям достаточным. Преимущественно и существенно принадлежит это название буйным бездомникам, которые выросли в круглом сиротстве и неимуществе – или которые, накликав на себя гонение в своих обществах, бежали по неимению недвижимой собственности и собственного тягла, промышляют себе хлеб насущный кинжалом и винтовкою»¹⁷.

Термин «психадзе», используемый в данном случае И.Д. Попко для обозначения абреков западно-черкесских субэтнососов и переводимый им на русский язык как «стая водяных псов» (псы – вода, хьэ – собака, дзэ – войско) может иметь и другую интерпретацию. Так, известно, что люди лишённые покровительства адыгских «соприсяжных братств» за какие-либо преступления, назывались психадза, по виду смертной казни, к которой их приговаривали. По адыгски «психэдзэ» – «брошенный в воду». Таких людей топили со связанными руками, бросив в море или бурные горные реки. Даже если преступника не казнили, а просто изгоняли из общества, то и в этом случае он считался психадза. Люди-изгой, лишённые покровительства своих кланов, вели жизнь бездомных бродяг, абреков.

Абреками становились по разным мотивам. Традиционное абречество связанное с институтом кровной мести основная, но не единственная разновидность абречества. «В рамках института кровной мести горца могли назвать абреком в случае, если он вынужденно оставлял общину. Например,

когда община отказывалась от патронажа к одному из своих членов... Ответственность за пролитие крови, со всеми вытекающими отсюда последствиями возлагалась на убийцу и на ближайший круг его родственников...», - отмечает в своей работе один из исследователей феномена кавказского абречества Ю.М. Ботяков¹⁸.

Исследователь обычного права народов Кавказа Ф.И. Леонтович писал: «У черкесов, согласно адатам, плата за кровь была столь значительной, что никто не был в состоянии заплатить ее самостоятельно. Иногда случается, что род, которому принадлежит убийца, отказывается от платежа за кровь, предоставляя обиженным самим отмстить убийце. Тогда убийце остается только бежать из общины в абреки и скитаться бездомным, пока он не будет убит мстителями или не найдет средств помириться и заплатить за кровь»¹⁹.

Кроме вышерассмотренной категории лиц, для которой уход в абреки (бегство или изгнание) являлся безальтернативным условием спасения жизни, была и другая категория лиц, для которой решение оставить общину было следствием полученной тяжелой нравственной травмы (например, полученное оскорбление). «В отличие от первого варианта, когда уход в абреки практически не зависел от самостоятельной позиции человека, а был связан с проявлением коллективной воли общества, - отмечает Ю.М. Ботяков, - во втором случае личность в значительной степени была самостоятельна в принятии такого решения»²⁰.

Не только убийство, но в не меньшей мере нанесенное оскорбление, требовало по представлениям горцев отмщения. Нанесенное оскорбление требовало немедленной реакции, что при всеобщем вооружении народа часто приводило к кровопролитию. Человек, подвергшийся оскорблению и равнодушно перенесший обиду, подвергался общественному ostracismu.

Перед тем, как стать абреками, такие люди предварительно освобождают себя от всех связей с обществом – социальных, семейных, имущественных. Это делалось с тем, чтобы с одной стороны не быть ничем связанными и полностью посвятить себя исполнению мести, а с другой не

подвергать свою семью и род ответным репрессиям со стороны фамилии обидчика.

Таким образом, формирование социальной категории абреков проходило как за счет тех, кто спасался от мести, так и за счет тех, кто ради нее оставлял общину.

Абречество нередко порождалось межсословными противоречиями в адыгском обществе. В кабардинском фольклоре сохранились предания о таких абреках из зависимых сословий, которые вели войну с представителями высших сословий. Так в одном из преданий сообщается, что группа крестьян во главе с Машуко скрылась в горах, не желая выплачивать дань крымскому хану. Дело закончилось тем, что по совету князей и дворян хан взял в плен сестру Машуко. Сподвижники Машуко примирились с хозяевами и только Машуко «не согласился на то, остался в горах абреком. Знал он, что сестру его отдали крымскому хану, и не хотел он забыть, простить это. По ночам он делал набеги на владения пши-уорков, сжигал их дома, забирал пищу, одежду. Большой напастью был он для пши-уорков»²¹. Князья, в конечном счете, узнали место, где скрывается Машуко и дорогу по которой он ездил. «Пши ... посадили своих людей у этой тропинки, устроили засаду и был убит там абрек Машуко. С той поры и доньше гора, на которой скрывался Машуко, зовется его именем, а тропинка по которой он всегда ездил, называется «Тропою абрека»²².

В кабардинском фольклоре сохранилось имя и другого абрека из числа зависимых крестьян – Гулея, о котором сообщается, что он «не желал быть пшитлем и убил своего пши. Затем он сел на коня убитого пши, снял с пши оружие и стал абреком. Как и в случае с Машуко, имя Гулея сохранилось в местной топонимике. Рощу, в которой он скрывался, стали называть Гулеевой. Она находилась между Гумом (Георгиевск) и Псыхаба (Пятигорск). Донекей – известный разбойник, живший в первой четверти XIX века, был по происхождению простой тфокотль из горного шапсугского клана Дзжи»²³.

Причинами ухода в абреки часто были факторы психологического плана. «В числе изгнанников могли оказаться и лица просто отличавшиеся крайне неустойчивой психикой, специфические особенности характера которых ставили их в положение маргиналов», – отмечает Ю.М. Ботяков²⁴.

Одной из причин конфликта между семьей, обществом и личностью, были особенности традиционной культуры. Традиционная черкесская культура, будучи культурой воинской, имеет сходство с культурой востока, для которой характерен приоритет интересов коллектива над интересами отдельной личности. Но традиционная культура адыгов может трактоваться и как культура индивидуалистическая – в смысле значимости ценности индивидуальной свободы и прав человека. Адыгское общество было опутано многочисленными условностями этикетного и нравственного характера.

Обычаи, с одной стороны, были направлены на сохранение чести и достоинства каждого человека независимо от его социального статуса, а с другой, индивидуум находился здесь под негласным жестким общественным контролем и несоблюдение этикетных норм приводило к моральному осуждению, а в особых случаях к остракизму и изгнанию из общества.

Люди не желающие признавать над собой ничьей власти, отрицавшие семейную и социальную иерархию, ставившие свою свободу и волю выше всего, часто сами покидали общество.

Краеугольным камнем этического кодекса народов Кавказа является представление о намыс (адыгский эквивалент – напэ) – нравственном ядре каждой личности. От поступков человека зависело поддержание или утрата этого качества. В последнем случае личность лишалась возможности полноценного существования среди себе подобных. Страх лишиться нравственного капитала объясняет повышенное щепетильное отношение к вопросам чести. Поэтому общество культивировало в молодых людях стремление к обретению волевых качеств характера, способность отстаивать себя как личность.

Умение подчиняться старшему, строго придерживаться этикетных норм, само по себе, предполагало наличие сильного волевого начала, умения контролировать эмоции. Тем не менее, наличие сильного волевого начала таило в себе значительный взрывной потенциал, способный вызвать сотрясение семейных устоев²⁵. В реальной жизни безукоризненно следовать нравственным установкам, завышенным, в силу их дидактической функции, как отмечает Ю.М. Ботяков, мог далеко не каждый. При этом зона компромисса в отношениях между старшим и младшим была весьма ограничена. А возникающий в традиционной семье конфликт между отцом и сыном не мог быть предметом рассмотрения третейского суда. Поэтому предпочтительным его разрешением был полный разрыв отношений. Таким образом, одна из причин выхода некоторой части «буйной» молодежи из общины – в неприятии диктата отцовского права, а с другой – поощрении обществом волевых качеств их характера²⁶.

Конфликты в семейно-родственной группе, приводившие к уходу в абреки, могли возникать на почве семейно-брачных отношений. Конфликт в княжеской семье Хамурзиных, проживавших в числе прочих беглых кабардинцев на реке Уруп, возник из-за того, что Адэль-Гирей Хамурзин похитил невесту своего двоюродного брата Аслан-Гирея – бесленеевскую княжну Гуашахуж Конокову и бежал с ней за Терек. По свидетельству Ф.Ф. Торнау «озлобленный бегством Адель-Гирея в Чечню, Аслан-Гирей убил его отца, своего родного дядю, и, опасаясь взыскания за этот проступок со стороны русского начальства, бежал со своими приверженцами к абадзехам. Остальные кабардинские поселенцы, выжидавшие только удобного случая освободиться от русского надзора, последовали его примеру и разбежались во все стороны. Благодаря Гуаша-Фудже Уруп опустел, и за Кубанью появилось несколько тысяч самых неугомонных абреков»²⁷.

Ф.Ф. Торнау так описывает свою первую встречу с Аслан-Гиреем Хамурзиным: «Переправляясь однажды через Лабу, мы встретили человек пятьдесят черкесов, следовавших за молодым человеком на белой лошади

лучшей кавказской породы. Это был один из самых злых бичей Кавказской линии, повсюду известный абрек, кабардинский князь Аслан-Гирей»²⁸.

Вышеперечисленные случаи далеко не исчерпывают все мотивы, по которым люди становились абреками.

Абречество, по своим внешним проявлениям имело сходство с наездничеством, а на более поздних этапах своего бытования, во время Кавказской войны и после установления российской администрации на Кавказе, они часто отождествлялись. Но изначально это разные общественные явления, со своей природой и происхождением, хотя внешне имеющие некоторые сходства. Определенная, причем односторонняя связь между абречеством и наездничеством совершенно очевидно существовала. Как правило, все абреки занимались наездничеством, но не все наездники были абреками. Для абрека, исключенного из общественной жизни, занятие наездническим промыслом было основным источником существования. Охота и гостеприимство, дававшие время от времени пищу и кров, не были постоянными факторами стабильного жизнеобеспечения. Кроме того, наездничество для абреков было не только способом добывания средств существования, но и способом поддержания своего особого, если и не самого высокого в социальной иерархии, то требующего уважения статуса. В милитаризованном адыгском обществе, наездничество было высоко престижным занятием. Для поддержания этого статуса абреки должны были соблюдать определенный кодекс поведения и правила, регулирующие институт наездничества. В противном случае, они лишались народного уважения и опускались на уровень обыкновенных грабителей, убийц и разбойников, людей, не отягощенных никакими моральными ограничениями.

Несмотря на особое состояние абрека, характеризующееся его особой подчеркнутой отстраненностью от общины и в ряде случаев игнорированием общепринятых норм поведения, связи абрека с обществом, как правило, не были полностью прерваны. Зачастую у абреков были друзья-кунаки не только среди своей среды, из числа абреков, но и из числа простых людей в

своим и соседних народах, у которых они находили временный приют и гостеприимство.

Часто, абреки представляли угрозу для общества и оказывали на него давление в целях мести и удовлетворения своих поправанных прав, но те же люди могли выполнять по отношению к общине патронажную функцию, играя роль защитников бедных и обездоленных, наиболее незащищенных в социальном плане членов общества.

Ф.Ф. Торнау, в частности, сообщает о подобных отношениях сложившихся между известными ногойскими абреками – братьями Карамурзинными и жителями небольшого абазинского общества Шегирей, располагавшегося на берегах Малой Лабы. «Каменистые шегиреевские поля давали самую бедную жатву; скотом шегиреевцы не могли обзавестись, потому что на плоскости его отбивали русские или захватывали в счет подати бесленеевские князья Шолох, а в горах угоняли убыхи и медовеевцы. Жизнь в Шегирее была самая жалкая, пока не поселились там Карамурзины и не взяли аула под свое покровительство»²⁹.

Полевой материал, собранный Ю.М. Ботяковым в хаджретских аулах Адыгеи (Ходз, Уляп, Блечепсин, Кошехабль), также говорит о покровительстве со стороны абреков по отношению к своей общине. «Адыг Махмуд Хатит, прославившийся, с точки зрения ... информаторов кабардинцев, в начале XX века на Северном Кавказе не меньше, чем знаменитый чеченец Зелымхан из Харачоя, свою деятельность как абрек начал с того, что ограбил своего богатого одноаульца, везшего деньги в банк Екатеринодара, и раздал их бедным вдовам. При этом свое благодеяние он осуществил тайно. Совершив самое крупное до революции ограбление (было похищено 200 тысяч рублей золотом), он, тем не менее, лично себе не присвоил ничего»³⁰.

Как отмечает, Ю.М. Ботяков, в среде кавказских горцев, особенно в колониальный период, сложился устойчивый образ абреков, как народных заступников. Они не грабят и не отбирают у мирных людей,

простых крестьян, вдов, сирот. Они отбирают имущество у богатых и раздают бедным. Если они убивают представителей администрации, чиновников, полицейских, казаков – то, они это делают из идейных соображений – считая их притеснителями простого народа. Такими в народной памяти остались абреки Джанхот Ирюгов, Мурат Озов из Кабарды, Махмуд Кушхов из аула Блечепсин (Республика Адыгея) и многие другие³¹.

Абреки делились добычей с беднотой и получали за это от них поддержку и приют, особенно необходимый им зимой. Несмотря на свой асоциальный статус, абреки пользовались авторитетом, могли посещать общественные места, появляясь, например, неожиданно на свадьбах, где им оказывали почет и уважение. По сведениям информантов из аула Кошехабль нахождение абрека на свадьбе было нормой. Более того его роли на свадьбе отводилось важное значение. «Он входил на свадьбу, в свой или чужой аул, свободно. Все друг другу шепчут: «Хаджрет пришел». Виду, однако, никто не показывал. Никаких попыток задержать, выдать властям. Хаджирет пришел на свадьбу – это было почетно, статус свадьбы поднимался»³².

Людей, становившихся на путь абречества, как правило, отличала сильная воля, которую они ставили выше любых привязанностей, социальных установок и норм. За убитых абреков никто, даже родственники не обязаны были мстить. За убитых абреков мстили их друзья-абреки, между которыми действовала солидарность в среде существовавших своеобразных абреческих братств.

На Кавказе абреческие братства носило интернациональный характер, абреки независимо от национальности поддерживали друг друга, их статус ставился ими выше, чем национальная, общинная или сословная принадлежность. Как правило, постоянные или временные сообщества абреков носили интернациональный характер.

В среде абреков действовал свой особый кодекс, отличавшийся от того же наезднического этикета. Например, «абреческая традиция не знает

оплакивания погибших. Погибших абреки могут оставить врагу»³³. Наезднический этикет, например, требует обязательного выноса тела из боя и передачу его родственникам. В противном случае наездники могли приобрести не только осуждение, но и вражду со стороны родственников убитого. Во время дальних походов, если не было возможности привезти домой тело убитого, разрешалось его товарищу отрубить голову и «принести семейству убитого; в противном случае он обязан во всю жизнь на свой счет содержать вдову и детей своего убитого товарища»³⁴.

Абреки не прощали никому ни малейшей обиды, даже родственники должны были опасаться их. Обязательному мщению подлежало предательство своих – абреков. Оно могло заключаться в выдаче месторасположения абреков или какой-либо другой информации властям или кровникам абреков. Зачастую это делалось в обмен на амнистию со стороны колониальных властей или общины, для получения легального статуса и возможности вернуться к мирной жизни. Так, в рапорте командующего Сунженской линией генерал-майора Горихвостова от 14 января 1834 года, сообщается: «Мало-кабардинский абрек Умар Ибрагимов просит прощения и позволить водвориться на жительство в Малой Кабарде и в знак раскаяния и того, что никогда побега уже в Чечню не учинит выкрал убитого разбойника Беслана Хамурзина сына Джанбулата и доставил ко мне ...»³⁵. Абреки представляли большую опасность и доставляли много хлопот целым обществам. Чтобы избавиться от вреда, наносимого ими, общества старались или уничтожить их или же дать им возможность легализоваться в общине. В царской России нередко имело место практика полной амнистии абреков взамен на их выхода из гор и переход к мирной жизни. Армии и полиции было легче уничтожить крупные отряды, чем гоняться за такими бандитами-одиночками. Вред, наносимый ими, был не настолько велик, чтобы представлять угрозу стабильности государства, в отличие от массовых народных выступлений, тем не-менее само их существование било по авторитету и престижу государства. На нейтрализацию отдельных абреков

уходило непропорционально много времени и сил, поэтому иногда представители власти считали более рациональным простить им все бывшие преступления и вернуть их в общество. В колониальный период условием амнистии со стороны властей и гарантией такой сделки часто выступало предательство своих бывших друзей по абреческой жизни. Администрация шла на это, зная хорошо психологию и принципы абреков – после этого они становились заклятыми врагами своих бывших соратников, и это гарантировало их невозврат к прошлой жизни.

Знаменитый кабардинский абрек Озов Мурат для того, чтобы найти и наказать предателя, добрался до Турции, куда последний бежал, опасаясь мести. Только вмешательство и посредничество живших там кабардинцев-стариков, как сообщают информаторы, спасло предателя от мести³⁶.

В этом отношении неписанный кодекс, действовавший как в среде наездников, так и абреков, полностью совпадал. Попавшийся с поличным на воровстве ни при каких обстоятельствах не мог выдать сообщников. Убийство нарушителей традиционных этических норм находило полное одобрение окружающих.

Доносчики, как и предатели, могли подвергнуться мести: их могли и убить, а могли просто наказать угоном у них скота и отнятием другого имущества. В качестве примера можно привести историю о двух братьях-абреках, проживавших в начале XIX века в Шовгеновском ауле в Адыгее, записанную Ю.М. Ботяковым.

«Однажды братья пригнали стадо волов. Их сосед, человек, испытывавший острую нужду, решил донести на них и получить причитающиеся за это от властей вознаграждение. Аульный старшина, которому доносчик сообщил о краже, дал знать братьям о том, что он как официальное лицо вскоре придет к ним с обыском. Благодаря старшине братья избежали опасности. Узнав, кто их выдал, они ночью у этого человека украли его единственную хромую лошадь.

Прошел месяц, в течение которого бедняк испытывал постоянные трудности. Наконец как-то ночью его разбудил стук в окно. Братья, которых он выдал, приглашали его выйти из дома. С самыми тяжелыми мыслями бедняк вышел во двор. Абреки обратились к нему со следующими словами. «Что тебе на свете не хватает? Была у тебя одна лошадь, из-за своего языка ты ее лишился. Будет у нас к тебе одна просьба: не в свои дела не лезь и не обижай людей. Вот тебе лошадь, корова и два десятка овец. Пусть твоя нищета не заставляет тебя больше болтать – это не достойно мужчины». Братья оставили ему скот, и ушли»³⁷.

Надо заметить, что в дореволюционный период абречество получило довольно широкое распространение по всему Кавказу и государство в борьбе с этим явлением использовало довольно широкий арсенал средств не только репрессивного характера. Упомянутая ранее практика применения амнистий, часто была более эффективной, чем полицейские карательные меры. В этом отношении представляют большой интерес архивные документы и в частности личное ходатайство наместника Кавказского Великого князя Михаила к царю с просьбой о помиловании 16 абреков из числа хакучей. «Я прошу Ваше Высокопревосходительство, - пишет наместник Кавказа на имя военного министра Милютина, - повергнуть на милосердие Его Императорского Величества с всеподданнейшим ходатайством моём о даровании им внимания к обнаруженному ими раскаянии и оказанном ими при выселении хакучей выслугам и важным заслугам, полного прощения. Прошу Вас также при представлении сего вышеизложенного на Высочайшее воззрение и просить соизволение Его императорского Величества на утверждение сделанного мною распоряжения о прощении 16 упомянутых абреков»³⁸.

К концу 1860-х гг. в труднодоступных ущельях Западного Кавказа оставалось около 200–300 абреков из числа хакучей, которые серьёзно беспокоили своими набегами русских колонистов. В частности об этом сообщает И. Орехов в описании своего путешествия по Западному

Кавказу: «Несмотря на двух кратный поход против них в 1865 году (весной и осенью) и на выселение, в том же и следующем году, нескольких тысяч хакучей в Турцию, сотни две-три этих разбойников ещё держались в горах, в чрезвычайно дикой местности ...»³⁹.

Когда стало ясно, что несколько сот хакучей не могут представлять реальной угрозы безопасности черноморского побережья, начальство инициировало переговоры с наиболее известными абреками и при их посредничестве вывело хакучей из гор и поселило на побережье под контролем местной администрации. Осуществление этого мероприятия должно было быть предварено массовой амнистией абреков, с чем и было связано вышеупомянутое ходатайство наместника Кавказа к царю. Как свидетельствуют документы, в скором времени оно было удовлетворено. В ответном письме военного министра Милютина Великому князю Михаилу Николаевичу от 3 декабря 1869 года за №413 сообщается: «Государь Император утвердив, сделанное Вашим Императорским Высочеством распоряжение о прощении 16 абреков, вышедших из горных местностей Кавказского хребта... Всемиловитвейше соизволил согласно ходатайства Вашего на прощение абреков ...»⁴⁰.

По черкесским адатам женщина не могла быть ни объектом, ни исполнителем кровной мести. Соответственно абречество было чисто мужским делом – тяжким испытанием, бывшим под силу не каждому мужчине. Тем не менее, в истории Кабарды известен редкий случай, когда женщина стала абреком. Об этой женщине мы слышали от старейшего музейного работника-краеведа Х.Х. Яхтанигова⁴¹, а он, в свою очередь, от известного фольклориста и ученого З.М. Налоева. По их сведениям ее звали Зурумхан Шогенова и ее деятельность относится к концу XIX– началу XX века. Зурумхан родилась в мало-кабардинском селении Къаншуйей (ныне Нижний Курп) в семье простого крестьянина Хажали Шогенова. Когда Хажали умер, её мать Гуашагафа с четырьмя детьми переехала к своему брату Батырбеку Налоеву в селение Хатуей. С юных лет Зурумхан одевалась

как мужчина, носила оружие, ездилa верхом, а потом стала сообщницей абреков, вместе с которыми вела разбойничью жизнь. К началу гражданской войны ей было около 40 лет. Разбой ей начал приедаться, она стала подумывать о семейной жизни. Вскоре вышла замуж за чеченца, а в 1944 г., когда депортировали чеченцев, она не бросила мужа и уехала со всеми в Среднюю Азию. После смерти супруга вернулась в Кабардино-Балкарию и служила ночным сторожем на Аргуданской МТС.

Последние массовые рецидивы абречества, позволяющие говорить о нём как об общественном явлении, имели место в 30-е гг. XX столетия. Это было отчасти связано с установлением в стране Советской власти, коллективизацией и массовыми репрессиями. В этот период абреками становились не только представители дворянского сословия, приговоренные Советской властью к уничтожению, но и многие крестьяне, подвергшиеся раскулачиванию. Абречество в этот период приобрело характер социального протеста против новых порядков и носило, в некоторой степени, политическую окраску.

Примечания

---

¹ Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставропольское книжное изд-во, 1992. С. 253.

² Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987. С. 113.

³ Там же. С. 362

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Мирзоев А.С. Институт абречества у черкесов в XIX веке // IV конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. М., 2001. С. 136.

⁶ Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII– первой половине XIX века. Нальчик. Издательский центр «Эль-ФА», 1994. С. 337–338.

⁷ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. С. 266.

⁸ Карлгоф Н.И. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX– начале XX века. Нальчик. Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2004. С. 113–114.

⁹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне 18–19 вв. Санкт-Петербург, 2008. С. 75.

¹⁰ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. Санкт-Петербург, 2004. С. 96.

¹¹ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Воспоминания и документы. Нальчик, Издательский центр Эль-ФА, 1999. С. 492.

¹² Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. Издательство журнала «Звезда». Санкт-Петербург, 2003. С. 552.

-
- ¹³ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Документы и материалы в двух томах. М., 1952. Т. 2. С. 196.
- ¹⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С. 195.
- ¹⁵ Васильев Е. Экспедиция в землю хакучей // Военный сборник, 1872, №8. С. 262.
- ¹⁶ Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 337–338.
- ¹⁷ Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 236–238.
- ¹⁸ Ботяков Ю.М. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 167.
- ²⁰ Ботяков Ю.М. Указ. соч. С. 20.
- ²¹ Кабардинский фольклор. М.; Л., 1936. С. 279.
- ²² Там же.
- ²³ Ботяков Ю.М. Указ. соч. С. 40.
- ²⁴ Там же. С. 18.
- ²⁵ Там же. С. 27.
- ²⁶ Там же. С. 443.
- ²⁷ Торнау Ф.Ф. Указ. соч. С. 258.
- ²⁸ Там же. С. 198.
- ²⁹ Там же. С. 198–199.
- ³⁰ Там же. С. 48–49.
- ³¹ Там же. С. 49, 55–56.
- ³² Там же. С. 103.
- ³³ Гатуев Д. Зелимхан. Орджоникидзе, 1971. С. 54.
- ³⁴ Филиппсон Г.И. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. М. В. университетской типографии (М. Катков), на страстном бульваре. 1885. С. 127.
- ³⁵ ЦГА КБР. Ф. 1, оп. 1, д. 49, л. 105.
- ³⁶ Информатор – Сасык Тахсин Батырхан, 1934 г.р., сел. Кырк-Пинар, вилает Пинар-баши, Турция.
- ³⁷ Ботяков Ю.М. Указ. соч. С. 55–56.
- ³⁸ Центральный Исторический Архив Грузии. Тбилиси. Ф.416, оп.3, д.158 связка 25 – 589 л.10.
- ³⁹ Орехов И. По южному склону Западного Кавказа: (Из путевых заметок). // Военный сборник, СПб., 1869, №12. С. 307.
- ⁴⁰ Центральный Исторический Архив Грузии. Тбилиси. Ф. 416. Оп. 3. Д. 159. Л. 11.
- ⁴¹ Информатор – Яхтанигов Хасан Хабасович, 1943 г. р., сел. Вольный Аул, КБР.

Institute abrechestva the Central and Northwest Caucasus in the period from XVIII to 30 years of the 20-th century (historical-ethnographic aspect)

Abrechestvo typical in the past for all the peoples of the Caucasus a social phenomenon. The roots of this institution originate in tribal society, and the last relapse occurred in 30 years in the 20th century. This article discusses the origins of the institute, the various manifestations of this phenomenon and its transformation in the course of historical development of the Circassian society.

Keywords: brigands, abrechestvo, rogue, non-conformism, social protest, patronage.

Mirzoev Aslanbek Sultanovich, Candidate of History, senior research fellow at sektor of medieval and new history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian institute of Humanitarian researches.

18 Pushkin Street

Nalchik 360000

Ph.: 8 (8662) 42-24-53; 8-967-421-95-25.

E-mail: marzeibach@mail.ru

